

Штейн Владимир Иванович

**Артур Шопенгауер как человек и
МЫСЛИТЕЛЬ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В57

В57 **Владимир Иванович Ш.**
Артур Шопенгауер как человек и мыслитель / Штейн Владимир Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 583 с.

ISBN 978-5-521-31615-1

ISBN 978-5-521-31615-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мыслитель, жизнеописание коего составляет предметъ настоящей книги, упрекаетъ людей, которые, вмѣсто изученія мыслей того или иного философа, пытаются знакомиться съ исторіею внѣшней его жизни:

«Они похожи на тѣхъ чудаковъ, говоритъ Шопенгауеръ, которые, стоя у картины великаго художника, останавливаютъ свое вниманіе не на картинѣ, а на ея рамѣ и разсуждаютъ объ изяществѣ рѣзьбы или о цѣнности позолоты! Ну да это еще куда ни шло! Но многіе, интересующіеся матеріальною, внѣшнею, личною жизнью генія, доходятъ по этому пути до бѣльшихъ еще несообразностей; за то, что великій умъ открываетъ имъ сокровищницу духовныхъ своихъ талантовъ и, путемъ крайняго напряженія силъ, созидаетъ произведенія, которыя послужатъ не только современникамъ, но и грядущимъ поколѣніямъ къ совершенствованію и къ просвѣщенію—за этотъ

великій, ни съ чѣмъ несравнимый даръ человѣчеству нѣкоторые шалопаи почитаютъ себя въ правѣ стаскивать нравственную личность мыслителя съ его судейскаго сѣдалища и разглядывать, нельзя-ли въ ней открыть какое-нибудь пятно, порокъ, ради облегченія мукъ зависти, которыя угрызаютъ ничтожныхъ пигмеевъ, при одномъ намекѣ на великій умъ. Этимъ объясняются пространныя, разсыпанныя по книгамъ и журналамъ, разсужденія о нравственности въ жизни Гёте: о томъ, не былъ-ли онъ обязанъ жениться на той или иной дѣвчонкѣ, съ которой, юношею, игралъ въ любовь; — о томъ, не долженъ-ли былъ Гёте стать на сторону черни, вмѣсто того, чтобы честно прилежать службѣ своего Государя; — о томъ, не слѣдовало-ли Гёте воспитать въ себѣ большій патриотизмъ и т. д.. Впрочемъ подобною кричащею неблагодарностью и злостнымъ стремленіемъ къ умаленію заслугъ великихъ людей непризнанные критики только доказываютъ свое нравственное и умственное убожество, чтобъ не сказать больше!» *).

Разумному человѣку дѣйствительно едва-ли прійдетъ въ голову, любуясь Галатеею Рафаэля,

*) *Parerga u. Paralipomena* В. II S. 90—91,—по IV изданію Ю. Фрауэнштѣдта.

прежде всего останавливаться на анекдотахъ о Форнаринѣ, хотя она, быть можетъ, и позировала предъ художникомъ для названной картины, точно такъ-же, какъ для истаго цѣнителя Баховской церковной музыки безразличны многочисленные сказанія о Бахѣ, которыя, по преданію, отъ одного Лейпцигскаго кантора передаются другому; равнымъ образомъ возможно усумниться въ плодотворности сопоставленія «Критики чистаго разума» съ любовью, которую Кантъ завѣдомо питалъ къ игрѣ на билліардѣ.

Этими примѣрами мы хотимъ подкрѣпить ту мысль, что между мелкими подробностями *внѣшней* только жизни любаго мыслителя или художника и духовною или творческою стороною дѣятельности даннаго лица далеко не всегда можно проводить органическую связь. По этой-то причинѣ выставленное нѣкоторыми учеными (Зейдлицемъ и Ломброзо) положеніе, — согласно коему истинную разгадку философіи новѣйшаго пессимизма надлежитъ искать въ эксцентричностяхъ Шопенгауера, указующихъ будто-бы на мономанію величія или на липеманію, — является крайне одностороннимъ и нельзя не согласиться съ Линднеромъ, что объяснять сущность міровоззрѣнія «Франкфуртскаго отшельника» маленькими его слабостями и странностями — совершенно рав-

но сильно тому, если-бы кто нибудь сталъ качество напр. музыки Моцарта выводить изъ расчета, сколько композиторомъ, въ эпоху созданія Донъ-Жуана, потреблено фунтовъ мяса или выпито шампанскаго. На самомъ дѣлѣ въ творчествѣ существенно, непреложно и безсмертно именно то, что не нуждается — ради своего оправданія — въ хитроумныхъ толкованіяхъ; тамъ же, гдѣ для самаго уразумѣнія приѣмовъ творчества приходится ссылаться на индивидуальныя странности писателя, или композитора, начинается неясность, неоконченность мысли; если въ видѣ разительныхъ примѣровъ причудливости мысли можно указать на произведенія Бетговена, такъ называемаго третьяго періода, — на вторую часть Гётевскаго *Фауста*, — на *Положительную Политику* Огюста Конта и т. д. *), то ничего подобнаго нельзя отыскать между сочиненіями Шопенгауера.

Впрочемъ допуская, что для правильной оцѣнки писателя односторонне было-бы результаты духовнаго творчества приурочивать къ мелкимъ внѣшнимъ событіямъ и къ индивидуальнымъ слабостямъ или странностямъ автора, отсюда вовсе не вытекаетъ, чтобы при разсмотрѣніи дѣятельности любого писателя слѣдовало пренебрегать

*) Linnder. Von ihm. Ueber ihn. p. 45—47.

біографическими подробностями о его жизни; если всякое вообще литературное произведение стоит въ неразрывной связи съ расою, средою и временемъ, среди коихъ вращается данный писатель, то не менѣе существеннымъ факторомъ, до нѣкоторой степени опредѣляющимъ самое направленіе творчества, являются субъективныя особенности и свойства автора. Что касается Шопенгауера въ частности, то именно индивидуальная его жизнь и дѣятельность въ сопоставленіи съ его мышленіемъ отнюдь не представляетъ отношенія рамы къ картинѣ: благодаря правдивости натуры и прямолинейности, Шопенгауеръ наглядно проявляетъ субъективность и въ своихъ твореніяхъ; отсюда ясно, насколько важно знать, каковъ Шопенгауеръ былъ въ дѣйствительности, и въ этомъ отношеніи существеннымъ для біографа подспоріемъ служатъ «Афоризмы о житейской мудрости» (особливо первая ихъ часть), въ коихъ философъ съ искренностью, ему свойственною, изложилъ вынесенное изъ житейскаго опыта *).

Независимо отъ того интереса, который

*) Lindner, Loc. cit. S. 47; въ письмѣ къ Фрауэншадт у, отъ 26 Сентября 1851 г., самъ Шопенгауеръ замѣчаетъ: «Говорю я всегда только то, что знаю изъ внутренняго и внѣшняго опыта, а потому *Афоризмы о житейской мудрости*, конечно, заключаютъ въ себѣ много субъективнаго».

имѣть біографія Шопенгауера, въ качествѣ мыслителя, положившаго начало пессимистическому направленію въ новѣйшей филозофіи, жизнеописаніе это, при отсутствіи внѣшнихъ драматическихъ положеній, представляетъ еще и иной *общечеловѣческій* интересъ, — а именно тотъ, какой способна возбудить дѣйствительно *оригинальная*, недюжинная индивидуальность и трагичность ея судьбы, въ ея обособленности отъ будничной человѣческой массы, являющей, такъ сказать, однообразіе фабричнаго товара.

Жизнь, правда, нерѣдко наталкиваетъ каждаго изъ насъ на оригиналовъ, но эти послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, являются таковыми потому только, что преднамѣренно *хотятъ* чудить; гораздо рѣже встрѣчаются *оригиналы дѣйствительные*, непосредственность коихъ лежитъ внѣ собственной ихъ воли и обуславливается самою ихъ сущностью. Первые могутъ только забавлять или дѣлаться цѣлью остротъ и составляютъ какъ-бы приправу, придающую пряный вкусъ заурядной жизни. Въ оригиналѣ-же настоящемъ надъ наносною или привитою блажью преобладаютъ черты непосредственной живости и мощи цѣльной натуры. Шопенгауеръ, по словамъ Юргенъ

Бона Мейера *), именно и рисуется такою своеобразною личностью, выдѣляющеюся изъ рамокъ будничнаго однообразія, въ силу естественной самобытности мысли:».... Шопенгауеръ, говоритъ Ю. Б. Мейеръ, оригиналенъ до геніальной виртуозности и гармоничности; одна черта здѣсь пригнана къ другой, и вся личность какъ-бы вылита изъ одной массы. Благодаря этому въ проявленіяхъ индивидуальности философа сказывается привлекательная естественность и правдивость (Naturwahrheit), дѣйствующія неотразимо, вопреки отталкивающимъ чертамъ неснаснаго характера и чудачествамъ, коробящимъ чувство прекраснаго». Что геніальная своеобразность натуры А. Шопенгауера дѣйствовала обаятельно,—это подтверждаютъ и ближайшіе личные друзья, «апостолы», Шопенгауера тѣмъ безконечнымъ терпѣніемъ и снисходительностью къ безцеремоннымъ выходкамъ, какія позволялъ себѣ, въ минуты гнѣва или неудовольствія, суровый ихъ учитель.

Эту взбалмошность вообще, а особливо рѣзкость въ отзывахъ о недругахъ недоброжелательные критики ставятъ Шопенгауеру въ особенную вину — Шопенгауера даже прозвали, по

*) Jürgen Bona Mayer. Arthur Schopenhauer, als Mensch und Denker, S. 4.

сравненію съ Гераклитомъ (плачущимъ философомъ древности), «ругающимся философомъ новѣйшаго времени»; дѣйствительно въ области сильныхъ, «драстическихъ», выраженій онъ заслуживалъ-бы лавровъ за вкладъ, внесенный имъ въ эту спеціальную отрасль нѣмецкой лексикологіи. Но спрашивается, кто имѣетъ право хулить Шопенгауера за это? Въмѣсто осужденій съ плеча, правильнѣе-бы было выяснить причины отсутствія въ Шопенгауерѣ привѣтливости и добродушія: отъ нелюдимства, презрѣнія къ людямъ мыслитель лично самъ, пожалуй, терпѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо, и недостатки эти явились, какъ рефлексъ избытка тяжелаго опыта. Въ самомъ дѣлѣ величайшая гнусность, которую только можетъ одинъ человѣкъ учинить другому, не подпадая за то карѣ закона, является, когда кого-либо насильственно или искусственно лишаютъ положенія, въ которомъ онъ, ко благу человѣчества и къ собственному своему удовлетворенію, всего удачнѣе могъ-бы примѣнить свои дарованія. Легко можно понять озлобленіе неудачника, который, сознавая въ себѣ недюжинныя способности къ мышленію и къ поученію, принужденъ лучшую пору жизни влачить въ неизвѣстности и въ глухомъ одиночествѣ, въ то время, какъ рабскіе послѣдователи міросозер-

цанія «абсолюта» господствуютъ на кафедрахъ, съ вышины коихъ даже на геніальныя критическія изслѣдованія Канта взирають съ полупрезрительною снисходительностью. Трудно, конечно, сказать, насколько Шопенгауеръ правъ въ своихъ утвержденіяхъ, будто собраты его по специальности, изъ чувства зависти, заключили противъ него какъ-бы заговоръ и настойчиво оттирали его назадъ, но во всякомъ случаѣ неоспоримо, что патентованные профессора философіи либо преднамѣренно «замалчивали» Шопенгауера, либо подходятъ подъ дѣйствіе французскаго изрѣченія „Il n'y a que l'esprit, qui sent l'esprit“, т. е., другими словами, что товарищи Шопенгауера по ремеслу, не обладая сами умомъ, не могли или не хотѣли оцѣнить такового, по достоинству, въ соперникѣ. Какъ бы то ни было, для профессоръ философіи альтернатива эта позорна, — позорна, потому что единственно сочувствіе профановъ, постепенно разроставшееся и коренившееся въ популярномъ изложеніи сочиненій Шопенгауера, вынудило послѣ тридцатилѣтняго молчанія и у представителей науки признаніе, что А. Шопенгауеръ — этотъ «Каспаръ Гаузеръ» нѣмецкой философіи — мыслитель дѣйствительно выдающійся, если и не правовѣрный, методическій академикъ *).

*) Dr. H. Fromann. Arthur Schopenhauer, S. 2—4.

При отрицательномъ отношеніи Шопенгауера къ значенію біографій вообще, совершенно понятно, что на вопросъ, обращенный къ нему, за три года до смерти, однимъ изъ его друзей, Д-ромъ Давидомъ Ашеромъ, разрѣшить-ли онъ кому-либо изъ близкихъ писать его біографію, онъ отвѣчалъ: «....Я не хочу ни самъ составлять своей біографіи, ни знать, что таковая кѣмъ-либо будетъ написана; краткаго очерка, мною изготовленнаго для Профессора Эрдмана и пересказаннаго Фрауэнштэдтомъ, да двухъ, подобныхъ-же очерковъ, помѣщенныхъ въ справочныхъ словаряхъ Мейера и Пирерса—достаточно; я вовсе не желаю отдавать частной своей жизни на судъ холодному и зложелательному любопытству толпы» *).

Вопреки, однако-же, категорическому отказу автора «Welt, als Wille und Vorstellung» знакомить толпу со своею интимною жизнью, ближайшіе его друзья: Гвиннеръ — на основаніи рукописи «Εξ ἐαυτου», заключавшей автобіографическіе наброски самого Шопенгауера,—Фрауэнштэдтъ и Линднеръ, а за ними Давидъ Ашеръ и Фроманъ выпустили, послѣ смерти А. Шопенгауера, цѣлый рядъ брошюръ и объемистыхъ книгъ, описывающихъ внѣшнюю и внутреннюю жизнь мыслителя и передающихъ, наравнѣ съ

*) Dr. D. Ascher. A. Schopenhauer, S. 11 u. 12.